

Н. Русова, В. Шевцов

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Это стихотворение — действительно нерукотворный памятник пушкинской поэзии, квинтэссенция его творческой и человеческой сути. Поражает провидческая сила произведения, написанного меньше чем за год до гибели поэта.

Интересно, что Пушкин полностью перенимает композицию и почти дословно повторяет многие фрагменты известного стихотворения Державина «Памятник», которое, в свою очередь, создано по мотивам одноименной оды Горация. Однако если стихи Державина написаны рукой очень талантливого поэта, то пушкинское творение отмечено той высокой волнующей тайной, что свойственна только гению.

Очень важно, что Пушкин связывает бессмертие своего творчества с бессмертием не народа (как у Державина), а поэзии: он будет «славен» до тех пор, пока на земле «жив будет хоть один пиит». Ведь чтобы стихи продолжали волновать человечество, они должны рождаться вновь и вновь; только поэты обеспечивают вечное существование поэзии.

Первое и основное, чем, по мнению Пушкина, он запомнится людям, — это «чувства добрые», та «лелеющая душу гуманность» (по выражению Белинского), которой пронизано всё его творчество. Даже прославление свободы, даже «милость к падшим» оказываются на втором месте. И как гордое признание неподкупности и независимости творчества звучит призыв к музе — повиноваться только Божьему велению.

Торжественный и мерный шестистопный ямб в конце каждой строфы сменяется четырехстопным, что позволяет создать раздумчивую, «итожащую» интонацию. Весомы и немногочисленные эпитеты: памятник — «нерукотворный», глава — «непокорная», лира — «заветная», век — «жестокий»... Величие нерукотворного монумента подчеркивается емким, зримо-выразительным сравнением с Александрийским столпом — гладкой гранитной колонной, воздвигнутой в честь Александра I на Дворцовой площади в Петербурге. В том, что вечно живой останется душа поэта, нас еще больше убеждают глаголы «переживет» и «убежит». Характеристики народов России великолепны своей лаконичной точностью: если славянин «гордый», то тунгус «ныне дикой» (это «ныне» говорит об отсутствии какого бы то ни было высокомерия по отношению к другим народам), а калмык — «друг степей». Кстати, в первоначальном варианте у Пушкина стояло «сын степей», но после того, как один из друзей-литераторов обратил его внимание на то, что калмыки по происхождению не степной народ, в тексте появилась окончательная, наиболее точная формулировка.

Величавая приподнятость стихотворения поддерживается лексикой, свойственной «высокому стилю»: славянизмы «глава», «столп», «пиит»; усеченные «доколь», «всяк»; выражения «народная тропа», «заветная лира», «сущий» вместо «существующий»; глаголы «восславил» и «приемли».

Изысканна звуковая инструментовка; так, в первой строфе из гласных преобладают «а» и «о», во второй — «а» и «и», в третьей — «у», в четвертой и пятой — вновь «о» и «а». Обилие сонорных «р» и «л» создает звуковое впечатление торжественного колокольного звона.

Плавное течение стиха прерывают два интонационных «всплеска»: восклицания «нет, весь я не умру...» и «о муза, будь послушна», которые выдают потаенное волнение поэта, глубину обуревающих его чувств.